

росы изучения загадок и тем самым дается программа будущих исследований. В приложении приведен список литературы и таблица использованных в работе архивных материалов с указанием информатора, места и времени записи.

Н. А. Лавонен открыла русскому читателю мир карельских народных загадок и благодаря переводу их на русский язык ввела в широкий научный оборот.

В. В. Митрофанова

М. Б. Руденко. Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания). М.: Наука, 1982. 152 с.

Вышла из печати посмертно работа М. Б. Руденко «Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания)». Яркая представительница советской школы востоковедения, основоположница изучения курдской классической литературы, М. Б. Руденко (1926—1976 гг.) за свою короткую жизнь внесла огромный вклад в развитие отечественного курдоведения. Начав с публикации в 1961 г. описания неизвестной науке коллекции курдских рукописей ленинградских собраний, ставшей значительным событием в истории изучения культуры курдского народа, М. Б. Руденко издала, перевела и исследовала многие памятники курдской литературы, такие, как «Мам и Зин» поэта XVII в. Ахмеда Хани, «Шейх Сан'ан» поэта XIV в. Факи Тейрана, «Лейли и Меджнун» автора XVIII в. Хариса Битлиси, труд курдского ученого XIX в. Мела Махмуда Баязиди «Нравы и обычаи курдов». Последняя работа М. Б. Руденко о курдских литературных и фольклорных версиях «Юсуф и Зелиха», явившаяся ее докторской диссертацией, была подготовлена к изданию, но, к сожалению, до сих пор не опубликована.

Выявляя в своих работах тесную взаимосвязь и взаимовлияние курдской литературы и фольклора, М. Б. Руденко постоянно интересовалась богатым и многообразным народным творчеством курдов. Она неоднократно совершала поездки в курдские районы Армении, Грузии, Азербайджана, Туркмении для записей и публикаций фольклорных вариантов изучаемых ею средневековых поэм, а также для сбора эпоса, сказок, пословиц, поговорок. Интерес к похоронным причитаниям возник у М. Б. Руденко при изучении памятников классической курдской литературы, засвидетельствовавших бытование причетов в далеком прошлом. (Так, в поэме Ахмеда Хани «Мам и Зин» она обратила внимание на плач героини по своему безвременно ушедшему возлюбленному.) Хотя богатый курдский фольклор еще с середины XIX в. привлекал к себе внимание ученых, обрядовая поэзия, заметную часть которой составляют похоронные причитания, оставалась до сих пор областью, мало изученной. В работах А. Авдала¹, Т. Ф. Аристовой² и др. дается описание погребального обряда, но не затрагивается похоронная причет.

В 1970 г. М. Б. Руденко впервые опубликовала 44 образца похоронных песен курдов-езидов Закавказья с русским переводом³, а в 1979 г. вышли из печати несколько курдских похоронных песен из собрания А. Д. Жабы⁴. В 1978 г. Ордихане Джалил и Джалиле Джалил в работе «Курдский фольклор» издали тексты 96 образцов похоронных причитаний без перевода⁵.

Рецензируемая книга М. Б. Руденко — первая крупная публикация текстов курдских причитаний. В работу вошли тексты похоронных плачей курдов-езидов Армении и Грузии и курдов-мусульман Армении и Азербайджана, собранные в октябре 1972 г. При записи текстов М. Б. Руденко столкнулась с большими трудностями. Похоронные причитания у курдов, как и у многих других народов, относятся к числу сакральных, поэтому, возможно, из суеверного страха или же из нежелания вновь пережить горестные минуты, связанные со смертью, информаторы отказывались исполнять их вне обряда. Тем не менее исследователю удалось записать 129 образцов (четверостиший, трехстиший, пятистиший) и 5 сюжетных⁶ похоронных песен со слов известных курдских исполнителей таких, как Ахмеди Аслан, Бедиль Тафур, Задэ Озман и других знатоков обрядов, обычаев, ритуалов во всех подробностях.

Все тексты даны в принятой в советском курдоведении латинской транскрипции, в прекрасном русском переводе, выполненном М. Б. Руденко на высоком научном уровне, и снабжены необходимыми примечаниями, помогающими понять замысел и отдельные детали песни.

В приложение включены некоторые езидские ритуальные тексты, связанные с погребальным обрядом. Приводятся список терминов, относящихся к погребальному ритуалу, список сказителей, указатель текстов и сказителей, библиография основных трудов, посвященных исследованию езидства.

¹ Авдал А. Быт курдов Закавказья. Ереван, 1957 (на арм. яз.).

² Аристова Т. Ф. Курды Закавказья. (Историко-этнографический очерк). М., 1966.

³ Руденко М. Б. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья.— Палестинский сборник. В. 21 (84). М., 1970, с. 70—86.

⁴ Руденко М. Б. Несколько курдских похоронных песен из собрания рукописей А. Д. Жабы.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1973. М., 1979, с. 168—173.

⁵ Курдский фольклор/Собрали, составили и снабдили примечаниями и предисловием Джалил О. и Д. Кн. 1. М., 1978, с. 490—503.

⁶ Термин «сюжетные» М. Б. Руденко вводит условно.

Ценность работы М. Б. Руденко прежде всего в том, что она вводит в научный обиход собранные и записанные ею похоронные плачи. Однако автор не ограничился только этой задачей: в исследовательской части книги излагает свои наблюдения в области их формы — структуры, метрики, художественных особенностей языка и стиля. Показывает присущую им систему образов и символику, пишет о мотивах, происхождении и сущности похоронных причитаний. Соглашаясь с мнением исследователя русской причеты К. В. Чистова в вопросе о первичном предназначении и смысле похоронных причитаний, М. Б. Руденко на основе собранного полевого материала предполагает, что «в основе происхождения похоронных плачей, как и всей погребальной ритуальности, лежит сочетание двух основных моментов: скорбные чувства по поводу утраты близкого и страх перед таинственностью смерти, а впоследствии — с возникновением представления о загробной жизни — страх перед возможным нанесением вреда со стороны покойного и вытекающее отсюда стремление заручиться его благословением... Сочетание моментов ритуально-магического, эмоционального и этического определяет характер и содержание курдских плачей» (с. 9—10).

М. Б. Руденко дает первую условную классификацию похоронных песен, разделив их на два основных цикла — мужской и женский в зависимости от их исполнителя и содержания. В причитаниях мужского цикла обычно говорится о доблести покойного, битвах, сражениях, воспеваются сыновья, братская любовь, для них характерны героико-эпические элементы. В песнях отражены некоторые древние обряды и представления. Так, внутри мужского цикла М. Б. Руденко выделяет причитания, исполняемые во время старинного обряда «котэль» (вождение коня перед домом покойного, а затем по деревне). Эти песни имеют еще название «сйаро», покойного называют всадником, в них присутствует какая-нибудь деталь обряда «котэль». Как отметила исследовательница, сейчас этот обряд соблюдается только в отдаленных районах, а причитания, если в них нет прямого повествования о случившемся, часто исполняются и вне обряда, и тогда они воспринимаются как героические песни. В причитаниях женского цикла М. Б. Руденко выделяет жалобы на одиночество, скорбь по поводу утраты, просьбы к покойному не покидать оставшихся в живых, желание уйти из жизни вместе с покойным и т. д.

Полевые исследования позволили автору монографии выявить еще две группы похоронных причитаний: это часть «чужбинных» песен, посвященных оплакиванию умерших на чужбине, внутри лирических песен (дылок) и сюжетные причитания, специально созданные на смерть выдающегося лица или в случае, если смерть произошла при не совсем обычных обстоятельствах (приводятся три записи). «Интересно, что причитания эти, хранимые в памяти их создателей, исполнялись без всякого изменения текста и по поводу смерти другого выдающегося лица. Так сложилась целая группа причитаний сюжетного характера, текст которых при всяком последующем исполнении старались сохранить по мере возможности в неизменном виде» (с. 16).

М. Б. Руденко подчеркивает, что для правильного осмысления многих причитаний необходимо не только знание конкретной обстановки, но и детальное знакомство с материальной и духовной культурой народа. Она определяет роль и место природы в курдских похоронных причитаниях, выделяет метафорические замены, употребляемые в текстах для обозначения слова «покойный» и отмечает сравнительно узкий круг табуируемых терминов, объясняемый отсутствием у курдов страха перед покойным.

Автор останавливается на характеристике языка причитаний, предельно лаконичных, с емкими образами, исключая длинными цветистые эпитеты, и приходит к выводу, что в отличие от причитаний других народов, «в которых дана полная картина случившегося, со всеми деталями и подробностями, и где слушателям, воспринимающим готовую картину, ничего не приходится дополнять в своем воображении, в курдских причитаниях подробное повествование заменено высокоразвитой инскапозитивностью и символикой; это в значительной степени усиливает контакт между оплакивающими и присутствующими, которые дорисовывают в своем воображении полную картину случившегося несчастья» (с. 34—35).

Основываясь на собранном полевым материале, М. Б. Руденко определяет главные моменты погребального обряда. Все сообщаемые сведения касаются главным образом ритуала курдов-езидов. Однако исследовательница отмечает и некоторые различия в обрядах у курдов-езидов и курдов-мусульман. Как пишет автор, в процессе полевой работы ей почти не удалось собрать сведений о верованиях и представлениях курдов-езидов о душе и загробной жизни, так как езиды сохраняют в глубокой тайне всю свою систему религиозных представлений, что, по-видимому, и обусловило отсутствие в научной литературе достаточного количества материала и исследований в этой области. Собранный и опубликованный в данном издании материал может быть использован исследователями для изучения сложной системы верований и представлений курдов о душе и загробной жизни, а также для выяснения взаимосвязи и взаимопроникновения этих верований с представлениями и воззрениями других народов Передней Азии.

Выход из печати работы М. Б. Руденко «Курдская обрядовая поэзия. (Похоронные причитания)» — значительное событие не только в курдской, но и во всей иранской фольклористике. Общие проблемы, связанные с погребальным обрядом, наблюдения, сделанные М. Б. Руденко, несомненно, привлекут внимание специалистов по этнографии и фольклору других народов. Опубликованные тексты послужат основой для дальнейших исследований по народному творчеству, этнографии, религии курдов. В них отражены элементы истории материальной культуры, древних обычаев, верований и культов. Эти поэтико-драматические произведения со свойственными им специфическими чертами, символикой и системой образов представляют большую художественную ценность и интересны для широкого круга читателей.

Завершает книгу «Библиографический список опубликованных работ М. Б. Руденко», составленный Л. Н. Карской, и послесловие А. Л. Грюнберга, в котором выражены любовь и уважение к памяти М. Б. Руденко.

Ж. С. Мусаэлян

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Н. Г. Краснодарская. Традиционное мировоззрение сингалов. М.: Наука, 1982. 213 с.

В последние годы возрос научный интерес к проблемам идеологии стран зарубежного Востока. Уникальной чертой социального развития стран этого региона является устойчивость культурных традиций, что открывает перед исследователем широкие горизонты для обобщений, позволяющих всесторонне оценить сложные явления в общественной жизни развивающихся государств. Изучение традиционного мировоззрения народов Востока является первостепенной задачей советской науки и в силу того исторически сложившегося обстоятельства, что идеологическое наследие нередко использовалось и используется по сей день как действенное орудие политической борьбы, в которую активно вовлекаются освободившиеся от колониального гнета страны Азии и Африки. Выход в свет книги Н. Г. Краснодарской «Традиционное мировоззрение сингалов» представляется как нельзя более своевременным. Описание живых народных культов и установившейся в течение веков буддийской обрядности приводит автора к обоснованным заключениям относительно многосоставной, комплексной системы религиозно-магических представлений сингальского народа. Актуальность избранной для исследования проблемы подчеркивает тот общеизвестный факт, что религиозное мировосприятие и в настоящее время является духовной доминантой в идеологическом климате стран Южной и Юго-Восточной Азии. Н. Г. Краснодарская демонстрирует глубокую эрудицию в вопросах истории государства Шри Ланка, знание его древней литературы и искусства, и это естественным образом расширяет базу авторских обобщений. Благодаря этому значение монографии выходит за рамки сформулированных в ней задач и приобретает особую ценность для исследования широкого географического ареала, культурное развитие которого в течение столетий так или иначе было сопряжено с влиянием одной из мировых религий — буддизма.

Система мировосприятия современных сингалов представляет собой сложный синтез буддийских представлений, укоренившихся на ланкийской почве более двух тысячелетий тому назад, и народных верований, нашедших отражение в повседневной культово-обрядовой практике. В кратком очерке, освещающем основные этапы истории сингальского народа, обращено внимание на существовавшую с ранних времен неоднородность этнической ситуации на Ланке, обусловившую в известной мере комплексный характер ее современных духовных ценностей. Сохраняющее черты глубокой традиционности мировоззрение сингальского общества сложилось в целом под непосредственным влиянием индийской (особенно южноиндийской) культуры, прошедшей процесс многовековой адаптации в русле развивавшихся местных культурных традиций. В многомерном комплексе религиозно-магических представлений и ритуальной практики ланкийцев выделяются как самостоятельно значимые четыре структурно-однотипных культа: 1) ритуальные действия, связанные с верой в духов и демонов; 2) почитание астральных божеств; 3) обычаи и обряды, сформировавшиеся вокруг образов так называемых богов-покровителей; 4) буддийский культ, занимающий особое положение в духовной жизни сингалов, поскольку буддизм в течение многих столетий был и ныне остается государственной религией Ланки. В методологическом отношении удачно распределено по соответствующим главам описание каждого из основных культов по четко намеченным параметрам: основные фигуры пантеона, храм или его субститут, функциональная закреплённость жреца и характерные формы ритуала. Исчерпывающую полноту исследованию сообщает привлечение информации о синкретических обрядовых формах — праздничных церемониях и ритуальных играх, а также обрядах жизненного цикла, сопровождающих кардинальные моменты человеческого существования, и обрядовых действиях, связанных с сельскохозяйственным циклом.

Демонический культ, характеризующийся аморфностью пантеона, отсутствием выработанной иерархии мифологических фигур, не имеет стационарного храма. Функционально ему соответствует строгая локализация ритуальных церемоний. Определяющие их содержание элементы экстатической практики (включение в ритуал танцев, воскурений как средств достижения верующими особого состояния) позволяют Н. Г. Краснодарской соотнести современный сингальский культ духов и демонов с шаманскими культами (с. 37) — сопоставление чрезвычайно важное в свете проблемы истоков мировой цивилизации. Интересно замечание автора относительно очень характерной трансформации взаимоотношений буддизма и небуддийских форм обрядности. Как известно, ранний буддизм крайне негативно относился к музыке, танцам, а теперь обряды, в частности, демонического культа, мирно уживаются в общественной практике с буддийскими.

Высокоразвитая древнеиндийская астрономия, корни которой следует искать еще в протоиндийской культуре, оказала существенное воздействие на формирование аст-